

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ И МИРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ОБЪЕДИНЁННОЕ ДВИЖЕНИЕ
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ**

Москва
2019

УДК 1 (101.2)

ББК 87

P89

Научный редактор

Варава В. В., доктор философских наук,
профессор Департамента социологии, истории и философии
Финансового университета при Правительстве РФ,
сопредседатель Объединенного Движения
«Русская Философия»

P89 **Русская философия в России и мире: коллективная монография** — М.— Объединённое движение «Русская философия», 2019.— 196 с.

ISBN 978-5-6042-8010-2

Данное издание отражает научно-исследовательскую, просветительскую и издательскую деятельность Объединённого Движения «Русская Философия» за 2018 год. В книгу входят коллективная монография «Русская философия в России и мире», изданная по материалам симпозиума 1 декабря 2018 года, а также материалы круглого стола «Трансгуманизм в контексте современной философской культуры: pro et contra», состоявшегося 29 октября 2018 года. Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников философских и иных гуманитарных специальностей, а также для всех тех, кто не связан профессионально с философией, но кому небезразлично состояние современной философской культуры в России.

УДК 1 (101.2)

ББК 87

ISBN 978-5-6042-8010-2

© Объединённое движение «Русская философия», 2019

Барановский Д. В.

Рецепция идей русского космизма в публицистике Б. Б. Вахтина¹⁷

Настоящая статья посвящена проблеме отражения философских и научных идей представителей русского космизма в публицистических работах Б. Б. Вахтина. Выявляются причины обращения к идеям названного направления отечественной мысли, делается попытка дескрипции мировоззренческих позиций Б. Б. Вахтина.

Ключевые слова: русский космизм, Б. Б. Вахтин, Н. Ф. Федоров, философия в СССР.

Борис Борисович Вахтин (1930–1981 гг.) — писатель, мыслитель, общественный деятель — интересная и многогранная фигура отечественной литературы и мысли.

Родившийся в 1930-м году в Ростове-на-Дону, Борис Вахтин после 1935-го года уезжает вместе с матерью — в будущем трижды сталинским лауреатом Верой Федоровной Пановой — из родного города в Полтавскую область. Причиной переезда был смертный приговор, вынесенный его отцу советской властью. В 1949-м году Б. Б. Вахтин поступает на Восточный факультет ЛГУ им. Жданова, занимаясь китайской поэзией. Еще во время учебы (с 1952-го г.) становится сотрудником Ленинградского отделения института народов Азии АН СССР и остается им до конца жизни. На основе своих исследований Вахтин выпускает книгу «Юэфу: Из древних китайских песен» в 1959-м году и «Юэфу: Из средневековой китайской лирики»

¹⁷ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Н. Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией». Проект No 18-011-00953 А.

в 1964-м году, благодаря успеху которых Б. Б. Вахтин в том же году избирается членом Союза писателей СССР.

Борис Борисович Вахтин был крайне разносторонней личностью, совмещая в своем лице сотрудника Ленинградского отделения института народов Азии АН СССР, переводчика Союза писателей СССР (где, к слову, Вахтин устроил дискуссионный клуб переводчиков, на котором обсуждались подцензурные темы, произведения, сочинения) и писателя, в своих произведениях обнажающего неприглядную советскую действительность на духовном, ментальном уровне. В результате своей писательской деятельности Вахтин перешел в область самиздата и издания произведений за рубежом (одна из самых известных публикаций — альманах «Метрополь»). Стоит отметить также, что упомянутый дискуссионный клуб переводчиков, организованный Б. Б. Вахтиным, посещали, в частности, И. А. Бродский и С. Д. Довлатов. Этот факт может говорить о знакомстве с идеями русских космистов названных писателей-эмигрантов. [Подр. о биографии Б. Б. Вахтина см.: 1, 9, 10, 11, 12].

Главным источником анализа философских взглядов и мировоззрения Б. Б. Вахтина является ряд публицистических статей, изданных либо посмертно, либо за рубежом в советские годы, а ныне опубликованных при участии Николая Борисовича Вахтина в едином сборнике «Портрет незнакомца» [5], а также нескольких статьях.

Наиболее полно взгляды Б. Б. Вахтина выражены в работе «Человеческое вещество?» — именно в ней автор обращается к наследию тех, кого ныне принято называть русскими космистами. Как видно из названия, Вахтину не чужды теоретические построения В. И. Вернадского (см. «живое вещество» в концепции В. И. Вернадского). Мыслитель развивает подход т.н. «третьего отношения», намеренно «биологизируя» ракурс рассмотрения человечества как вещество. Первые два отношения — «человек — человек» и «человек — природа». Третье отношение — «природа — человек», как пишет сам автор, «отношение, в котором субъектом является вселенная, а человечество — всего лишь объектом, функцией, производной приро-

ды» [7, с. 61]. В текстах Вахтина понятия «природа» и «космос» тождественны: природа понимается в максимально широком смысле, расширяясь до объема Вселенной. Человек не просто подчинен природным (космическим) силам — он сам природная сила, используемая в определенных целях: люди — «рабочие и рабы природы — как сила тяготения, как внутризвездные процессы, как магнитные поля, — не в результате „сознательного“ акта природы они таковы, а потому, что они — органическая часть структуры мироздания» [Там же, с. 63]. Как мы видим, представление о природе и месте человека в ней у Б. Б. Вахтина в известной степени двояко: с одной стороны, человек ей подчинен, и природа выступает в этом случае как слепая сила зла, но с другой, человек сам ею порожден, и стремление освободиться от ее оков — стремление чисто волевое, не преопределенное природой. Это, к слову, мыслитель приводит как аргумент против страха экологических катастроф: «Люди и природа — единая структура, саморегулирующаяся система, так что истребить окружающий мир люди так же не в силах, как поднять себя за волосы» [3, с. 144].

Человечество, по Вахтину, неразрывно связано с природой (космосом), повторяя ее структурную организацию во множестве проявлений «от политики до поэтики». Формирование общества, согласно Б. Б. Вахтину, происходит как последовательность трех отношений. В отношении «человек-человек» одаренный человек начинает свою активность, которая объединяет людей в большие социальные группы по принципу согласия или несогласия с одаренным человеком. Вахтин называет это движением «человеческого вещества». Эти человеческие объединения («шарики человеческого вещества») ввиду различий противостоят друг с другом. Для поддержания жизни и продолжения противоборства элементы человеческого вещества вступают в отношение «человек-природа», находя ресурсы, средства существования, энергию из природы, «из мертвого, медленно остывающего (второй закон термодинамики) мира — и оживляют, разогревают среду, в которой действуют... На сцену выступает третье отношение» [7, с. 67]. Деятельность отдельного человека в его

стремлении удовлетворить свои потребности провоцирует создание общественных отношений, для поддержания которых требуется взаимодействие с природой (космосом), что, в свою очередь, служит на благо самой природе (космосу), препятствуя ее остыванию, дисперсии. «Вот так — от желаний отдельного человека к желаниям групп людей, от желаний групп к „саморазогреву“ природы — прокладывает себе путь космическое в земном, вселенная в своей крупице, универсальное в индивидуальном» [Там же]. Из этого следует, что каждое действие индивида подчинено природно-космической системе, и человек оказывается ее частью в страдательном положении. Природа использует человека как свой орган для поддержания жизни — предотвращения остывания и дисперсии — за счет деятельности человека по удовлетворению своих потребностей.

Здесь очевидна близость Б. Б. Вахтина концепции антиэнтропийной сущности жизни русских космистов — С. А. Подолинского, Н. А. Умова, В. И. Вернадского.

Выход из подчиненного положения при «третьем отношении» (избавление от оков 3-го отношения и понятия пакибытия, «золотого века», рая на земле, абсолютного счастья и пр. мыслитель считает синонимами) Б. Б. Вахтин видит в направлении всеобщих усилий на воскрешение умерших и преодоление смертности человека: «...Абсолютное счастье не может быть ничем иным, кроме воскресения из мертвых всех во плоти, кроме бессмертия людей. Но пока не подчиним мы всю нашу систему ценностей этой цели — бессмертию и воскресению, — обречены мы быть частью слепой природы» [Там же, с. 100].

Главным препятствием к полноте свободы воли Борис Вахтин считает физическую смертность: «Физическая смерть — вот что ставит под сомнение свободу человеческой воли. Человек может творить добро, может делать зло <...>, но рано или поздно <...> он будет убит неизвестно за что и почему...» [Там же, с. 56]. Главной отличительной особенностью человека от животного Вахтин считает осознание смертности и способность ее преодолеть [Там же, с. 62]. При этом в неоконченной предсмертной работе Вахтин пишет: «...Все зависит от нашей

воли, от нашего выбора — гарантии успеха нет, предопределения тоже нет...» [3, с. 144].

Русский космизм для Б. Б. Вахтина оказывается органичным продолжением всей русской культуры. В работе «Человеческое вещество?» Б. Б. Вахтин проводит анализ (художественно-научный, научно-популярный) русской литературы, показывая, что русская литературная традиция пророческая: «Очень скоро я увидел, что моя любимая русская литература... не знает никакого душевного мира и отличается, среди прочего, тем, что неутомимо, с горящими глазами, на разные голоса *пророчествует*.

Не нужна никакая особая наблюдательность, чтобы это увидеть. И русская литература сама об этом заявила устами не кого-нибудь, а Николая Васильевича Гоголя:

„Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует одна только Россия?“» [7, с. 5–6].

Пророчества русской литературы преимущественно образуются в направлении скорого конца, носят эсхатологический характер, начиная с А. С. Пушкина. В определенный момент русская литература и литературная критика наполняется более отчетливым философским содержанием и осознает (создает концепт) не просто конца Бытия, но и Инобытие, «Инонию». Главным в этом осознании Б. Б. Вахтин выделяет Н. Ф. Федорова и других космистов. Особенно пророчества обостряются перед революцией: «Казалось, перед революцией удесятилось ожидание, предчувствие, предвидение золотого века, рая на земле... В красках Врубеля, в музыкальных экстазах Скрябина, в словесных водопадах Бердяева, в научных концепциях Вернадского, в сотнях и тысячах талантов, словно бы внезапно раскрывшихся во всех сферах жизни и деятельности нации, находим мы черты этого необычайного <...> понимания судеб мира и пророчества о путях его спасения» [Там же, с. 21]. Вахтин выделяет мысли Федорова о роли человека в процессе природной эволюции, биосфере — те мысли, что В. И. Вернадским были развиты в понятие ноосферы.

Размышляя о русской мысли, Б. Б. Вахтин ставит имена русских космистов в ряд пророков России в его собственном понимании: «Неистовые наши пророки (а такими я называю всех, кто думал о гибели мира и о его спасении, о смерти и свете, то есть мыслил эсхатологически) <...> создали все необходимые элементы для завершения мысленной картины мира, для изложения существа русской идеи. Пророков этих множество — о них, конечно, нужно бы написать особую книгу...» [Там же, с. 29].

Причин обращения Вахтина к русскому космизму несколько. Вероятно, одна из них — ранняя потеря отца, которая заставила будущего писателя задумываться о смерти. В посмертно опубликованной заметке Б. Б. Вахтин пишет: «Первый и главный вопрос, с которым я, как едва ли не каждый, столкнулся еще в раннем детстве, это вопрос о смерти, о ее неотвратимости»; и продолжает: «...третий путь — между насильственной смертью и смертью естественной, даже не между, а — вне смерти, поверх нее, путь к общему освобождению от смерти, к принципиально иному бытию людей, основанному на принципе „владыкой мира должна быть жизнь“, предложила русская мысль в лице, прежде всего, Н. Ф. Федорова, а кроме него Циолковского, Вернадского, Достоевского, Соловьева — всех и не перечислить» [Там же, с. 143]. В другой работе он откровенно признает: к Федорову часто приходят через вопросы о смерти и бессмертии. Борис Вахтин приводит свои детские воспоминания об этой проблеме в объемной цитате: «В детстве самым острым моим чувством, которое я испытывал несколько лет кряду, был страх смерти» [4].

Такое психологическое состояние создало предпосылки к поиску ответа на поставленный вопрос, что сам Вахтин излагает в большом пассаже названной выше работы, приводя историю из детства и ссылаясь на опыт мировой мысли, тем самым раскрывая глубинное личное отношение к предельному вопросу бытия — смерти [Там же].

Само знакомство Б. Б. Вахтина с фигурой Н. Ф. Федорова и русского космизма произошло, вероятно, еще в 1950-х, когда его отчим Д. Я. Дар работал над книгой «Повесть о Циолковском» — одной из первых биографий К. Э. Циолковского, где

уделяется значительное место портрету и идеям Николая Федорова [Подр. см.: 2].

Важной внешней причиной ориентации к русскому космизму, на наш взгляд, может быть социальная и идеологическая обстановка тех лет (1960-е гг.) — «оттаивание» во времена Хрущева, давшее скромный творческий выход уже обновленному поколению критически мыслящих интеллигентов, поискам иных идеологических ориентиров, целей, а иногда — и начал. Именно на этой почве, вероятно, и сошлись Б. Б. Вахтин и И. М. Забелин, автор примечательной книги «Человек и человечество: Очерки» (1970), часть которой была посвящена философским идеям русских космистов. Забелин, стоит отметить, вел переписку с дочерью последователя Федорова Н. А. Сетницкого О. Н. Сетницкой — на этом основании можно говорить об известной степени преемственности традиции федоровцев довоенного времени. Возможно, переписка с О. Н. Сетницкой была и у Б. Б. Вахтина.

Как очевидно из приведенного анализа, Б. Б. Вахтина интересовал русский космизм в самом различном его проявлении — литературно-художественный, философский, научно-философский. Кроме этого мы видим в публицистических работах Б. Б. Вахтина выражение его собственного мироощущения и мировоззрения; причем это мировоззрение вовсе не созерцательно — мыслитель все время ищет выход из ситуации, которую описывает, и которая его не устраивает — поддерживает активность мысли и духа. Очевидно, что ориентиры в ответах на поставленные им вопросы Вахтин находит в философских идеях русского космизма. К нему мыслитель приходит, видимо, через проблему смерти и философию общего дела Н. Ф. Федорова, и в дальнейшем — с появлением новых интересов и социальных связей — проникновение в глубину философии космистов увеличивается. Небольшое количество источников не позволяет полноценно определить место русского космизма в системе

взглядов Б. Б. Вахтина, но дает возможность утверждать, что интерес к нему носит не поверхностный характер, а укоренен в мировоззрении мыслителя. Архив Бориса Борисовича Вахтина на данный момент не только не изучен, но даже не описан, и это значительно актуализирует обращения к нему будущих исследователей.

Список литературы:

1. Арьев А. Ю., Борис Борисович Вахтин // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / [под общ. ред. Н. Н. Скатова]. — М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 1: А — Ж., — 732 с. — с. 351–352.
2. Барановский Д. В., Возрождение интереса к философским идеям Н. Ф. Федорова в контексте исследования биографии и научного наследия К. Э. Циолковского (1930–1970 годы) // Московский Софрат: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей, — М.: Академический проект, 2018. — 912 с. — с. 516–525
3. Вахтин Б. Б., Необходимые объяснения с самим собой // Звезда. 2000. № 11. С. 143–145
4. Вахтин Б. Б., Письма к самому себе [Электронный ресурс] // Звезда, 2005, № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/11/va6-pr.html>
5. Вахтин Б. Б., Портрет незнакомца / Борис Вахтин; [сост.: И. В. и Н. Б. Вахины]. — С-Пб: журнал «Звезда», 2010. — 924 с.
6. Вахтин Б. Б., Так сложилась жизнь моя...: Повести и рассказы / Борис Вахтин; [Послесл. М. Борисовой]. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 349 с.;
7. Вахтин Б. Б., Человеческое вещество? // Париж: Эхо, 1986, № 14, 256 с. — с. 5–103;
8. Забелин И. М. Человек и человечество: Очерки. — М.: Сов. писатель, 1970. — 264 с.
9. Ким Ю. Ч., И я там был: книга прозы / Юлий Ким. — М.: Время, 2016. — 383 с.;

10. Ким Ю. Ч., Сударь дорогой: [О Б. Вахтине] // СПб.: Звезда 8 (1998). — с. 104–108;
11. Панова В. Ф., О моей жизни, книгах и читателях. — Л.: Лениздат, 1975. — 343 с.;
12. Самиздат Ленинграда: 1950-е-1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Я. Северюхина. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 624 с. — с. 129–130.